

Халин АЙДИНОВ, Валерий ГУГНЯК

ПРОЦЕСС ПРИВАТИЗАЦИИ В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В статье показаны место и роль процессов приватизации 1990-х гг., а также программа ее дальнейшего проведения, рассчитанная на 2012–2016 гг. Делается вывод, что нет оснований ожидать от нее повышения эффективности производства и модернизации экономики России.

The article shows the place and the role of privatization in 1990s and also considers the program of its further carrying out in 2012–2016. The authors make a conclusion that this program's realization doesn't give grounds to expect increasing in efficiency of production and modernization of economy of Russia.

Ключевые слова:

приватизация, модернизация, инвестиции, валовой внутренний продукт (ВВП), эффективность производства, экономический рост, экономический кризис; privatization, modernization, investment, gross domestic product (GDP), efficiency of production, economic growth, economic crisis.

Прошло уже больше 10 лет, как президент РФ В.В. Путин поставил вопрос о необходимости модернизации экономики России. Проблема модернизации российской экономики, да и всего общества в целом, с каждым годом становится все более актуальной и все более значимой. Проводимые реформы призваны обеспечить России достойное место в мире, высокие и устойчивые темпы экономического роста, высокий уровень развития производительных сил и приличный уровень благосостояния ее граждан.

Уровень объема ВВП, достигнутый в 1990 г., превышен на 10–15%, но по объему продукции обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, инвестиций в основной капитал и реальным доходам на душу населения мы все еще отстаем от уровня 30-летней давности на 20–30%, и дело не только в этом. Благоприятная мировая конъюнктура и сегодняшние цены на углеводороды, нефть (в среднем примерно 110 долл. за баррель нефти в 2013 г.) уже не стимулируют высокие темпы экономического роста, так как задел, оставшийся от советского прошлого, практически исчерпан. Износ основных производственных фондов составляет, даже по официальным данным, 52–53%, а в оборонной промышленности – самой высокотехнологичной в стране – 70–75%. Частный бизнес упорно отказывается обновлять основной капитал – норма инвестиций в основной капитал устойчиво держится на протяжении последних 15 лет на уровне 19–20% ВВП. Китай же довел эту норму до 43% ВВП, а Индия – до 37%. И лишь в США и Европе эта норма держится на уровне 18–19%. Средний возраст установленного оборудования увеличился с 10 лет до 21 года. С таким оборудованием трудно рассчитывать на рост производительности и высокую конкурентоспособность российской продукции. Не будем говорить о чудовищных масштабах коррупции в России, что делает неэффективным осуществление любых крупных инвестиционных проектов в стране.

Все более важной проблемой (по существу, проблемой № 1) становится снижение квалификации рабочей силы, несмотря на стремление охватить системой высшего образования чуть ли не все население страны. Дефицит квалифицированных рабочих, инженеров, проектировщиков становится все более и более ощутимым.

В послании Федеральному собранию (декабрь 2012 года) президент РФ В.В. Путин поставил перед правительством задачу: темпы экономического роста российской экономики на протяжении ближайшего десятилетия должны составлять не менее 5–6% ВВП в

АЙДИНОВ

Халин

Тохтарович –

к.э.н., профессор;

заведующий

кафедрой

экономической

теории Института

текстильной

и легкой

промышленности

МГУТУ

им. К.Г. Разумовского

xalin.ajdinov@mail.ru

ГУГНЯК

Валерий Яковлевич –

к.э.н., доцент

кафедры

экономической

теории Института

текстильной

и легкой

промышленности

МГУТУ

им. К.Г. Разумовского

среднем за год. В действительности Россия находится на траектории затухающих темпов экономического роста: 4,1% ВВП в 2011 г., 3,4% — в 2012 г. Ряд экономистов склонны утверждать, что Россию в недалеком будущем ждет участь стран Западной Европы — вялый экономический рост и стагнация: 1,0–1,5-процентный рост ВВП в год. Чтобы изменить эту тенденцию (и выполнить поручения президента) нужны радикальные (и созидательные) решения по модернизации экономики.

Правительство осознает трудности, стоящие перед экономикой страны, и пытается найти пути их решения. Эти решения (как и следовало ожидать, в духе ультралиберальной идеологии) изложены в интервью, которые дали премьер-министр страны Д.А. Медведев и министр финансов РФ А.Г. Силуанов¹ газете «Коммерсант». Оба интервью достаточно полно раскрывают их взгляды на будущее страны. Мы находим у них удивительные совпадения в мыслях и убеждениях, но не найдем рассуждений ни о промышленной политике, ни о стимулировании экономического роста. Надо не стимулировать экономический рост, говорит А. Силуанов, а создавать благоприятные условия для ведения бизнеса. Китай, правда, поступает иначе. На стимулирование роста он уже затратил больше 500 млрд долл. в 2012 г. и выделяет 135 млрд долл в 2013 г. Если отбросить декларативные заявления о необходимости инноваций, о поддержке малого и среднего бизнеса, о том, что «ВТО нам поможет», то на первый план выдвигается одна мысль — приватизация. И, как естественное дополнение к ней, — уменьшение доли государственных расходов. Долю расходов федерального бюджета в ВВП необходимо снизить, утверждает министр финансов, с 21,2% ВВП до 17–18% в 2018 г., бюджет должен быть устойчиво бездефицитным, безрисковым и формироваться на основе, прежде всего, не нефтегазовых доходов. А нефтегазовые сверхдоходы должны пополнить резервный фонд и фонд национального благосостояния. В годы кризиса деньги из этих фондов должны использоваться для стабилизации экономики и поддержки нашего банковского сектора. В 2009 г. на

это ушло около 2 трлн руб., а на поддержку занятости — всего 80 млрд руб. Так было в 2009 г., так будет, вероятно, и в годы следующего кризиса.

Мысль, надо сказать, далеко не новая: с этого начинались и гайдаровские реформы в начале 90-х гг. Идея приватизации является ключевой для идеологии российского либерализма. Об этом заявил в интервью газете «Коммерсант» Д.А. Медведев: «Приватизация в России — это не просто передача собственности от государства в частные руки. Это идеология, которая задает вектор развития страны, формирует эффективного собственника и которая означает, что мы не строим экономику, контролируемую государством, государственный капитализм». Иначе говоря, приватизация представляет ценность сама по себе, вне зависимости от ее экономических результатов.

Бросим ретроспективный взгляд на процесс приватизации на постсоветском пространстве.

Приватизация в России, как отмечал известный французский экономист, труды которого неоднократно издавались в нашей стране, профессор Сорбонского университета В. Андрофф, прошла на протяжении двух десятилетий несколько этапов².

1-й этап (1987–1991 гг.) — этап спонтанной (стихийной) приватизации. В последние два года нахождения у власти М.С. Горбачева возросли реальные полномочия по контролю над предприятиями как их директоров, так и представителей местных и региональных властей. Это способствовало развитию спонтанной, или номенклатурной, приватизации и заключалось в присвоении прибыли руководством предприятий, переходе активов в организуемые при них кооперативы, в создании новых предприятий внутри старых, утверждении холдингов и системы перекрестного участия в собственности между предприятиями.

2-й этап (1992–1994 гг.) — этап массовой приватизации на основе раздачи ваучеров. Под прикрытием этой популистской идеи многие очень крупные предприятия, например «Уралмаш», ушли в частные руки по цене в 3–4 млн долл., т.е. по цене

¹ Медведев Д.А. Ситуация в экономике не кризисная, но предгрозовая // Коммерсант, 29.11.2012; Силуанов А.Г. Не надо строить воздушные замки // Коммерсант, 25.12.2012.

² Андрофф В. Российская приватизация: подходы и последствия // Вопросы экономики, 2004, № 6, с. 58.

современного автомобиля, отнюдь не самого роскошного.

3-й этап (1994–1997 гг.) – денежная приватизация. В 1995–1996 гг. прошли залоговые аукционы («мошенническая продажа банкам, – пишет В. Андрефф, – контрольных пакетов акций наиболее прибыльных компаний»). В 1997–2000 гг. наблюдается перерыв в приватизации, а с 2001 г. происходит точечная приватизация, рекомендованная опять же Всемирным банком. В начале нулевых годов главная задача состояла в том, чтобы закрепить итоги приватизации, легализовать ее не только в правовых актах, но и в глазах общества.

В качестве теоретического оправдания реформаторы часто ссылаются на теорему Коуза, а также используют идею «созидательного разрушения Шумпетера». Теорема Коуза гласит, что независимо от первоначального распределения прав собственности ресурс достается, в конечном счете, путем перераспределения прав собственности тому собственнику, который использует его наиболее эффективно. Эта теория для того, чтобы быть истиной, требует соблюдения таких условий, которые в реальной жизни наблюдать невозможно, – это свободная конкуренция, отсутствие транзакционных издержек, четкое соблюдение прав собственности и т.д. Российский экономист Н.Б. Ерзнкян прямо заявляет, что нашими реформаторами теорема Коуза использовалась для манипулирования общественным мнением и для оправдания ускоренных методов приватизации, а вопросы эффективности экономики просто не принимались во внимание¹.

Идеологи приватизации в действительности преследовали совсем иные цели, прежде всего разрушение целостности экономического пространства СССР, чтобы СССР не мог возродиться как великая держава. Процесс приватизации рассматривался как первоначальное накопление капитала и формирование олигархического капитализма, чтобы сделать невозможным возврат к социализму.

Но стала ли приватизация 90-х гг. средством повышения эффективности экономики страны?

В ряде отраслей экономики, прежде всего это относится к оптовой и рознич-

ной торговле, приватизация и частый капитал имеют очевидное, неоспоримое преимущество. Хотя и здесь не все так просто. Уровень торговой наценки в нашей стране зашкаливает. В дореволюционной России торговая наценка составляла 8% (в Европе – 3–4%), в годы советского нэпа – уже 15% (и это глубоко возмущало русских экономистов-эмигрантов, например С.Н. Прокоповича), в современной России наценка составляет в среднем 27–28% (в Москве – 34%). Это делает товары, продаваемые в России, настолько дорогими, что, как с иронией говорят, дешевле слетать самолетом в США и приобрести там товары, чем покупать их в родной стране. В книжной торговле наценка иногда составляет 100–125%. Та же самая картина наблюдается и в сфере услуг.

Посмотрим на положение в ряде других отраслей, где приватизация была проведена в начале 90-х гг. Стала ли после приватизации нефтедобычи и нефтепереработки отрасль работать более эффективно? Уровень производительности труда здесь снизился в 2,5 раза; извлечение нефти из пластов уменьшилось с 41 до 29%; прирост разведанных запасов уменьшился с 1 200 млн т в 1990 г. до 500–600 млн т в 2010–2011 гг., 518 млн т в 2012 г. (и это во многом фиктивный прирост: прогнозные запасы просто переводят в разведанные). Недаром с 2003 г. уровень разведанных запасов нефти в России был засекречен.

В черной металлургии России частный капитал давно уже прочно обосновался и чувствует себя более чем уверенно. Норма чистой прибыли наших крупных компаний достигает 25–35% (в западных компаниях и 10–15% считается очень высокой нормой). При этом не построено ни одного современного завода. По техническому уровню российская черная металлургия среди развитых стран стоит впереди только Украины: там положение еще хуже.

И, может быть, наиболее ярким примером является состояние нашей гражданской авиации. Вспомним, что в 1985 г., до перестройки, СССР был ведущей авиационной державой мира наряду с США и обеспечивал не только свои внутренние потребности в гражданских самолетах, но и экспортировал 140 самолетов, занимая треть мирового рынка. «Великий реформатор» России Е.Т. Гайдар, руководствуясь стандартной макроэкономической теорией, основанной на либерально-

¹ Ерзнкян Н.Б. Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление // Вопросы экономики, 2005, № 7, с. 125.

неоклассической ортодоксии Р. Коуза, и советами американского экономиста Дж. Сакса, бывшего в начале 90-х гг. «серым кардиналом» российской экономической политики, разбил мощный советский «Аэрофлот» на 319 мелких и мельчайших авиакомпаний, отправив их на аукцион приватизации, якобы для формирования конкурентной среды в этой сверхмонополизированной отрасли. Последствия для гражданской авиации России были поистине катастрофическими. Россия производит в год лишь несколько магистральных самолетов, в 90-е гг. иногда не производила ни одного, в 2014–2015 гг. их производство вообще прекращается. Правда, сейчас завершается создание регионального проекта «Суперджет-100». Но в этом российском самолете 80% узлов и компонентов созданы иностранными фирмами, российский его назвать можно лишь весьма условно (отечественным продукт можно назвать в том случае, если локализация продукции составляет не менее 60%). Да и перспективы его более чем туманны. Ему придется конкурировать с региональными самолетами, давно уже производимыми в Бразилии и Канаде: по соотношению формулы «цена/качество» он им явно проигрывает.

С 1992 г. число аэродромов в России сократилось в 5 раз: даже некоторые областные центры не способны принимать самолеты. Износ взлетно-посадочных полос на аэродромах превышает 80%, и это одна из главных причин авиационных аварий. По числу перевезенных пассажиров российская авиация все еще далека от 1990 г. Частные российские компании не хотят брать на себя расходы на подготовку летного состава (или готовят его ускоренно, как это было в предвоенных 1939–1940 гг., т.е. неполноценно). В результате в России стремительно нарастает дефицит классных летчиков (хотя зарплата командиров воздушных судов достигает нескольких сот тысяч рублей в месяц). И вот уже стоит вопрос о допуске зарубежных авиаторов к полетам на самолетах российских авиакомпаний (и вопрос этот уже решен положительно, несмотря на протесты профсоюза российских летчиков). Можно не сомневаться, что если процесс пойдет и дальше в том же направлении, то в России лет через 10–15 не будет не только собственной авиации, но и собственных летчиков.

Приватизацию РАО ЕЭС руководитель счетной палаты РФ С.В. Степашин назвал «крайне неудачной». Вице-премьер И.И. Шувалов считает, что недостаток энергетических мощностей в электроэнергетике является чуть ли не главным препятствием на пути экономического роста в экономике России, как и рост тарифов на электроэнергию. А ведь А.Б. Чубайс обосновывал необходимость приватизации РАО ЕЭС именно тем, что в результате ее реализации тарифы будут снижены, а частный капитал бросится инвестировать в электроэнергетику. Результат получился прямо противоположным. Даже небольшую Уссурийскую ТЭУ мощностью 370 кВт мы собираемся строить с помощью китайского кредита, китайских специалистов и на китайском оборудовании. А ведь в 1985 г. СССР занимал 12% мирового рынка электрооборудования, опережая США.

Преимущества приватизации с точки зрения модернизации экономики и улучшения качества экономического роста и повышения его темпов не так уж и очевидны. В Китае постепенная приватизация государственных предприятий началась лишь в 1996 г., то есть спустя 17 лет после начала реформ. И вот результат: с 1990 по 2012 г. ВВП Китая увеличился более чем в 4 раза, а России – всего на 10–15%. В Китае 5 государственных банков контролируют 80% банковского капитала, и работают они, по крайней мере, не менее эффективно, чем частные банки России.

Государственные компании часто действуют эффективнее, чем частные, например это касается железных дорог. В Великобритании в 80-е гг. XX в. железные дороги были приватизированы, но затем их вновь передали в руки государства, ибо их эффективность в условиях частного капитала значительно снизилась. Железные дороги Франции по уровню производительности и эффективности являются лучшими в Европе, хотя и находятся в руках государства¹. Что даст приватизация железных дорог в России? Будут ли они работать лучше и эффективнее? В это трудно поверить, учитывая традиции российского бизнеса. А вот неконтролируемый рост тарифов, уменьшение числа

¹ Коммерсант, 21.11.2012.

поездов — этого уж наверняка следует ожидать.

Разумеется, все предыдущее не говорит о том, что государственные компании в России действуют всегда эффективно (о повышении эффективности и прозрачности их деятельности постоянно напоминает президент России В.В. Путин), управление этими компаниями требует качественного и радикального улучшения. Но, как говорил духовный отец современного либерализма, экономист М. Фридман, легче контролировать одну государственную компанию в отрасли (естественную), чем несколько частных.

И вот в России грядет новая волна массовой приватизации. Об этом заявили и премьер-министр РФ Д.А. Медведев, и министр финансов А.Г. Силуанов. В апреле 2012 г. Всемирный банк рекомендовал России провести «тотальную приватизацию»¹. Новая программа приватизации России рассчитана на 2012–2016 гг. Предполагается приватизировать наиболее крупные и эффективно работающие государственные компании (приватизировать прибыль), а неэффективные и заведомо убыточные — оставить в руках государства (национализировать убытки). По оценке А.Г. Силуанова, доходы от приватизации составили 202 млрд руб. в 2012 г. и составят 428 млрд руб. в 2013 г., 331 млрд руб. — в 2014 г., 595 млрд руб. — в 2015 г. Всего около 1,5 трлн руб. (примерно 50 млрд долл.). Сумма весьма скромная, если учесть, какие гиганты экономики будут выставлены на продажу. Предполагается приватизировать самую крупную нефтяную компанию мира «Роснефть»; алмазную компанию «Алроса», на которую приходится 20–25% производства алмазов в мире; «Сбербанк», активы которого составляют больше половины активов всего российского банковского сектора; банк ВТБ (3–4-й по активам в стране); Новороссийский морской порт, на который приходится 2/3 грузооборота всех морских портов России, порт Ванино (Татарский пролив), «Россельхозбанк», «Россельхозлизинг», компанию «Аэрофлот» — российские авиационные линии; компанию «Российские железные дороги»; «Софкомфлот»; «Объединенную зерновую компанию»; «Почту России» (350 тыс. занятых). В коридорах прави-

тельства идут разговоры о приватизации Газпрома и разделении его на несколько самостоятельных компаний.

Есть ли необходимость в такой массовой приватизации? Правильно ли выбраны сроки приватизации? И кто приобретет эти компании, и по какой цене?

Время для осуществления приватизации выбрано не самое удачное: экономика России находится в фазе стагнации, которая готова перерасти в настоящий полноценный кризис, и этот кризис, вероятнее всего, придется на время проведения зимней Олимпиады в г. Сочи. Российский фондовый рынок лежит в настоящее время «на дне»: его капитализация составляет от уровня середины 2008 г. (предыдущий максимум) от силы 55–60%. Достаточно сказать, что «национальное достояние» России — Газпром, в котором государство владеет (вместе с аффилированными компаниями) всего лишь 50,002% акций, в мае 2008 г. имел капитал в размере 330 млрд долл., а в мае 2013 г. — всего лишь 83 млрд долл.; Роснефть оценивалась тогда в 115 млрд долл., а сейчас (до приобретения ТНК-БП) — чуть больше половины этой суммы. Российские компании недооценены, жалуются экономисты. Однако в условиях вялого экономического роста трудно ожидать иного результата.

Другой вопрос: можно ли продать за 4 года, т.е. за очень короткий срок, эти компании по адекватной или рыночной стоимости? С этой проблемой уже сталкивался Сбербанк при размещении всего лишь 7% своих акций, выставленных на продажу на Лондонской фондовой бирже. Не превратится ли продажа государственных компаний в обыкновенную распродажу по уцененной стоимости?

О том, что не стоит торопиться с приватизацией госкомпаний России в условиях, когда фондовые рынки и в мире, и в России переживают далеко не лучший период в своей новейшей истории, неоднократно предупреждал такой представитель российского либерализма, как бывший министр финансов РФ А. Кудрин. Зато российские компании, в т.ч. и государственные, склонны приобретать активы иностранных компаний по явно завышенным ценам. Не повторится ли, хотя и в ослабленном виде, драматическая история приватизации государственной собственности, «плоды» которой Россия

¹ Независимая газета, 13.04.20.

не может расхлебать до сих пор (компанию «Норникель» В. Потанин и М. Прохоров приобрели за 170 млн долл., а чистая прибыль этой уже частной компании в 2011 г. составила 5 млрд долл.)?

От приватизации Сбербанка вообще следует воздержаться хотя бы потому, что это единственный надежный банк в стране. Мошенничество, фиктивные финансовые схемы процветают в нашей банковской системе. 8 частных банков из первых 30 не удовлетворяют критерию достаточности капитала (10%). Ставки по потребительским кредитам достигают в России от 20% до 90% (ставки свыше 50% считались в античном мире ростовщическими, как и в современной Европе). В кризисном 2009 г. около 65–70% вкладов население делало именно в Сбербанке.

Ряд предприятий и компаний, имеющих стратегическое значение для России, вообще вряд ли стоить приватизировать: неизвестно, в чьи руки они попадут, и не будет ли это ущемлять интересы России. Ряд компаний нельзя приватизировать, поскольку они занимают монопольное или почти монопольное положение на рынке: государственная монополия, при всех ее недостатках, все-таки лучше, чем

частная, ее легче контролировать. И самое главное: исходя из опыта приватизации 90-х гг., трудно ожидать от нынешней приватизации эффективности производства и модернизации экономики.

Нам представляется, что не на путях приватизации надо искать ключ к модернизации экономики России. Следует отказаться от процессов приватизации в течение 5–6 лет и сохранить остатки государственного сектора в производстве. Нужно приостановить разработку дорогостоящих амбициозных проектов вроде строительства скоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань. Следует разработать стратегию возрождения обрабатывающей промышленности и целенаправленной промышленной политики. Необходимо использовать методы индикативного планирования. Во главу угла поставить не борьбу с инфляцией, а борьбу с коррупцией: последняя лишает смысла проведение всякой экономической политики. Необходимо также добиться прозрачности деятельности естественных монополий, заморозить тарифы на их продукцию и отказаться от принципа равнодоходности цен на энергоносители в России и Западной Европе.